

— Я просто выбрал самые красивые семена, — с самым серьёзным видом заявил Ся Чэнь, будто внешняя привлекательность и впрямь была главным критерием отбора.

Господин Ся покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать, — сущая детская наивность. Однако, поразмыслив, он вынужден был признать: красивые семена, как правило, самые крупные и налитые, а значит, и всхожесть у них лучше. И всё же обычным качеством зерна такой невероятный прирост не объяснить. Судя по тому, что он увидел сегодня на поле, через месяц, когда придёт пора жатвы, делянка Юаньбао принесёт на одну-две десятых больше зерна, чем все остальные угоды.

А ведь недооценивать эти скромные на первый взгляд проценты не стоило. Земли у семейства Ся были первоклассными, ухоженными до последней пяди, но даже с них в самый благодатный, полноводный год собирали от силы чуть больше трёх даней с му. Этот предел казался незыблемым: сколько спину ни гни, земля больше ни единого лишнего колоска не подарит.

Но его младший сын, который, точно в детские бирюльки играя, смастерил какой-то неказистый деревянный ящик для рассады, ухитрился превзойти все вековые расчёты.

— Юаньбао, мальчик мой, ты у меня настоящий вестник счастья, — господин Ся сгрёб сына в охапку и высоко приподнял, в очередной раз убеждаясь, что предсказание старого даоса Сюя не было пустой болтовнёй.

Да и если вспомнить тот лоскут земли за домом, где Юаньбао возился в своё удовольствие: насажал там всего без разбору, в полном беспорядке, а ведь растёт же! Да так буйно, что диву даёшься. А огурцы хрустящие? Сладше и сочнее тех, что зреют на семейных грядках, во всём уезде не сыскать. Выходит, их последыш не только к книжной премудрости тянется, но и к земле на редкость приметлив.

Знай Ся Чэнь, какие думы бродят в отцовской голове, он наверняка не удержался бы от смеха. Надо же, пока вредный Тунбань изо дня в день изводит его насмешками, хоть кто-то разглядел в нём выдающийся агрономический талант! Впрочем, секрет буйного роста за домом крылся не только в первосортных семенах. Юаньбао безжалостно пустил всю собственноручно приготовленную подкормку на эти экспериментальные грядки да на подрастающую кукурузу.

— А ну-ка, сынок, расскажи мне всё по порядку, от начала до конца: как ты эти ростки выхаживал? — Господин Ся вооружился обрубком угля и гладкой дощечкой. Грамоты он не знал, зато умел делать наброски — понятные, впрочем, лишь ему одному.

Ся Чэнь умильно склонил голову набок, притворяясь, будто усердно что-то вспоминает. На деле же он принялся слово в слово излагать отцу технологию выращивания рисовой рассады, купленную у Тунбаня. Чтобы не вызвать лишних подозрений, мальчик то и дело разбавлял серьёзные наставления детским лепетом — уверял, например, что замачивать семена нужно для того, чтобы «искупать их перед сном».

Отец слушал его затаив дыхание. Он тщательно заносил на дощечку каждый шаг, твёрдо решив в следующем сезоне в точности повторить весь путь. Само собой, весь нынешний урожай с полянки Юаньбао он планировал целиком пустить на семена.

— Ну... вот и всё, пожалуй, — закончил Ся Чэнь.

Отец заставил его повторить рассказ ещё раз, дабы убедиться, что нигде не закралась ошибка, и лишь после этого бережно спрятал дощечку.

— Батюшка, я что-то притомился. Пойду прилягу, — Ся Чэнь натурально зевнул, прикрыв рот ладошкой.

Для того чтобы иметь законное право запереться в комнате и ускользнуть в системное пространство, ему частенько приходилось разыгрывать непреодолимую сонливость. Домашние, списывая всё на слабость после тяжёлой болезни, оберегали его покой пуще прежнего и, едва заслышав о спальне, старались не шуметь.

Отец понимающе закивал и засуетился:

— Ступай, ступай, егоза. К обеду разбудим.

Получив долгожданное дозволение, Ся Чэнь вихрем унёсся к себе. Разумеется, спать он не собирался — его настойчиво звал Цзыцзянь, невидимый друг по переписке. Ещё во время разговора с отцом вредный Тунбань шепнул хозяину, что спрятанный в пространстве цветок-громкоговоритель всюсю сияет, сигнализируя о вызове.

Не так давно, наведавшись в уездный город, Ся Чэнь обзавёлся парой глиняных горшков, а позже накопал в лесу диких цветов. Среди этого скромного великолепия на подставке у окна он и пристроил свой необычный приёмопередатчик. Стоило бутону впитать достаточно солнечного тепла, как мальчик тут же прятал его обратно в системное пространство — от греха подальше, чтобы никто случайно не заметил таинственного свечения во время сеансов связи.

Вот уже почти полгода они регулярно беседовали. Если погода стояла ясная, нежному стеблю хватало и половины дня, чтобы полностью зарядиться.

Цзыцзянь, томившийся в одиночестве в глухом монастыре, судя по всему, изнывал от скуки и искал любой возможности поговорить. Но поскольку Ся Чэнь целыми днями пропадал в школе, не считая редких выходных, выходить на связь получалось в основном по ночам.

Поначалу приятель упорно пытался докричаться до него при свете дня. Но сообразив, что в полуденные часы его «маленький цветочный дух» спит беспробудным сном, а откликается лишь под покровом сумерек, оставил эту затею. Постепенно их полуночные разговоры вошли в

привычку.

Сам Ся Чэнь объяснял это просто: дескать, днём он греет лепестки на солнышке и копит силы, а оживает только к ночи — такова уж природа всех цветочных духов. Поверил ли в эту сказку собеседник? Скорее всего, да. В конце концов, где бы он взял другого цветочного духа, чтобы уличить Юаньбао во лжи?

Связывали их на редкость доверительные отношения. Несмотря на юный возраст и слепоту, Цзыцзянь обладал поразительной начитанностью и острым умом — он с лёгкостью подхватывал любую тему, какую бы ни затронул Ся Чэнь.

По его собственным словам, в те времена, когда зрение ещё не покинуло его, он прочёл горы книг и успел немало попутешествовать вместе с наставником.

Ся Чэнь невольно проникался к нему глубоким сочувствием. Столь одарённый, яркий юноша — и обречён влачить такое жалкое существование... Очутись на его месте сам Чэнь, он бы давно пал духом или обозлился на весь белый свет. А Цзыцзянь держался поразительно стойко, оставаясь в душе удивительно чистым и чутким человеком.

Расспрашивать о причинах слепоты Ся Чэнь не решался, резонно полагая, что здесь не обошлось без козней его непутёвого родителя.

Как выходец из эпохи информационного взрыва, Ся Чэнь обладал уже сложившимся, чуждым местным реалиям мировоззрением. Его мысли скакали, а суждения порой казались откровенно бунтарскими. Единственным, кто понимал его без лишних слов в этом мире, оставался Тунбань.

Но этот несносный системный дух обладал на редкость ядовитым языком и при каждом удобном случае принимался так нещадно пилить хозяина, что тот лишь зубами скрипел. И если Тунбань прочно закрепился в роли вредного приятеля, то в Цзыцзяне Ся Чэнь обрёл родную душу.

Выдуманная личина цветочного духа служила отличным прикрытием. Сверхъестественное существо глупо мерить человеческой меркой, а требовать от хрупкого, неискущённого побега соблюдения конфуцианских догм и правил приличия — и вовсе нелепо. Пользуясь этим, Ся Чэнь позволял себе быть искренним и не прятать колючки.

В случае чего он мог просто уничтожить бутон, оборвав нить связи навсегда, — ищи-свищи его потом по всей Поднебесной.

Поначалу он осторожничал, но вскоре с удивлением обнаружил, что Цзыцзянь уважением к традициям обделён едва ли не сильнее его самого. Юноша не выказывал ни малейшего почтения к императорской власти, а его рассуждения подчас звучали радикальнее взглядов человека из двадцать первого века. Осознав это, Ся Чэнь отбросил стеснение. Он без умолку

травил байки, делился странными историями и переиначивал старые сказки на новый лад, а если собеседник спрашивал об источнике его познаний, парень без зазрения совести сваливал всё на другие растения — особенно часто «отдуваться» приходилось невинной комнатной пилее.

В ответ Цзыцзянь делился столичными сплетнями и преданиями. Его бархатистый, неторопливый голос завораживал, а редкие, но бьющие не в бровь, а в глаз замечания заставляли Чэня покатываться со смеху.

Ся Чэнь ловил себя на мысли, что по глубине и тембру голос друга легко дал бы фору профессиональным актёрам озвучки из его прошлой жизни. Сам того не замечая, он превратился в законченного аудиала: если вечером не удавалось поболтать с Цзыцзянем хотя бы четверть часа, ночь казалась пустой и неудобной. Теперь-то он прекрасно понимал изнеженных барышень будущего, спускавших целые состояния на платных собеседников, — чертовски приятно, когда тебе на ухо вещают столь чарующим баритоном.

За эти полгода Цзыцзянь стал ему по-настоящему дорог. Тот никогда не жаловался напрямую, но по крупницам оброненных фраз Ся Чэнь сумел составить примерную картину его жизни.

Скорее всего, юноша принадлежал к знатному столичному клану и был законнорожденным наследником первой очереди. К несчастью, его мать рано ушла из жизни, а отец питал слабость к сыну от наложницы. Тот факт, что слепого юношу услали подальше от глаз в Богом забытый монастырь под предлогом «поправления здоровья», говорил сам за себя — дома его сознательно изживали со свету.

Как искушённый читатель романов о дворцовых и семейных интригах, Ся Чэнь понимал: монастырские стены для искалеченного наследника — скорее спасение, нежели кара. Но статус законного преемника, лишённого материнской защиты, висел над ним дамокловым мечом. Пока Цзыцзянь мал и послушно чахнет в глуши, его не тронут. Но когда он возмужает, а несправедливый родитель решит официально передать права на наследство бастарду, законный сын превратится в кость в горле. Тогда-то и начнётся настоящая охота.

Юаньбао как-то попытался деликатно выведать, дорожит ли друг своим первородством, но Цзыцзянь лишь презрительно фыркнул. В его голосе прозвучало столько неподдельного отвращения, когда он бросил, что пусть эту мышеловку забирает любой желающий, ему самому до неё нет дела.

«Если мы и дальше сохраним эту дружбу, — мечтательно размышлял Ся Чэнь, — то, когда я отправлюсь в столицу сдавать экзамены, обязательно разыщу его и встречу лицом к лицу».

Едва очутившись в пространстве Системы, Ся Чэнь бросился к сияющему цветку. Цзыцзянь уже целую вечность не беспокоил его посреди дня. Что-то явно стряслось, раз он решился нарушить неписаное правило.

— Цзыцзянь? Что-то случилось? — выдохнул Ся Чэнь, всё ещё пытаясь восстановить дыхание

после стремительного бега.

После недолгой паузы из глубины раскрытого бутона донёлся тихий, слегка охрипший голос юноши:

— Ничего особенного. Просто хотел узнать, здесь ли ты.

Ся Чэнь растерялся, но послушно устроился прямо на земле, скрестив ноги. За чистоту одежды он не переживал: вредный Тунбань бдительно следил за имуществом Системы, и при выходе из системного пространства даже мельчайшие пылинки автоматически стирались с подола, возвращаясь на свои законные места. Весьма практично.

— Тебе грустно? Давай поболтаем, — Ся Чэнь постарался придать своему голосу как можно больше беззаботности и тепла.

Разговаривая с этим одиноким мальчиком, Чэнь частенько вспоминал собственное прошлое. В прежней жизни он мог шутить и смеяться с одноклассниками, но стоило переступить порог квартиры, как его окутывала звенящая пустота. Он не сошёл с ума лишь благодаря спасительной паутине интернета: ночные сетевые баталии и стримы создавали иллюзию присутствия живых людей.

У Цзыцзяня же не было ничего. Плотный занавес слепоты отрезал его от мира, оставляя наедине с эфемерным полуночным собеседником, говорящим из чашечки цветка.

— Юаньбао... как прошёл твой день? — обычно холодный голос юноши сейчас звучал непривычно мягко, с затаённой надеждой.

Ся Чэнь послушно вернулся к своей роли:

— Замечательно! Сегодня было такое ласковое солнце, разморило меня страшно. Я и задремал в тепле, а проснулся только от твоего зова.

В голове внезапно проснулся Тунбань:

[Хозяин, я должен тебе кое-что сообщить]

«Это срочно? Если нет, давай потом», — мысленно отмахнулся Ся Чэнь. Поскольку сегодня система ещё не успела вылить на него ушат яда, парень опасался испортить себе настроение прямо посреди душевного разговора.

[Не горит] — лаконично отозвался тот.

Облегчённо вздохнув, Чэнь выкинул предупреждение из головы.

— Я разбудил тебя? — после затянувшегося молчания спросил Цзыцзянь. Судя по глухому тону, его домашние опять выкинули какую-то гнусность.

— Что ты, вовсе нет! — поспешил успокоить его Ся Чэнь. — Дневное светило сегодня так щедро делилось теплом, что я напился духовной силой под завязку. Сон как рукой сняло!

— Вот как... Рад за тебя, — вздохнул собеседник, но веселья в его голосе не прибавилось.

Пытаясь расшевелить его, Ся Чэнь лихорадочно соображал, о чём бы заговорить, и наконец уцепился за старую ниточку:

— О, помнишь, ты рассказывал про хмельного господина Вэна и бойкую продавщицу вина? История ведь оборвалась на самом интересном месте! Пожалуйста, расскажи, что было дальше?

Как бы тяжело ни было на душе у Цзыцзяня, он почти никогда не отказывал своему маленькому цветочному другу. Не устоял он и теперь.

Разделённые тысячами ли, два голоса соприкоснулись сквозь пространство. Юноша тихо, не торопясь, повёл свой рассказ.

— Грустный какой финал... — разочарованно протянул Ся Чэнь.

Начало-то было весёлым, полным забавных препирательств влюблённых — именно поэтому он и попросил продолжить историю, надеясь отвлечь друга.

Но жизнь распорядилась иначе: один связал себя узами брака с незнакомкой благородных кровей ради выгоды клана, а другая, прижав к груди кувшин с вином, которое берегла для любимого, навсегда покинула родные края.

— Красивое начало редко гарантирует счастливый конец, — бесстрастно отозвался Цзыцзянь, словно сопереживая героям собственной повести. — Жизнь полна горечи, а судьба капризна. Пожалуй, не стоит ни на что надеяться, тогда и разочарований не будет.

— Но ведь нельзя же судить так строго! В мире полно вещей, способных принести радость, — возразил Ся Чэнь, хотя сам понимал, насколько глупо и неубедительно это звучит для узника монастыря. Поспешив исправить оплошность, он принялся на ходу сочинять забавные небылицы, стараясь вернуть собеседнику улыбку.

Увы, все его старания пошли прахом. До самой последней секунды разговора в голосе друга

так и не промелькнуло прежнего тепла.

Исчерпав запас сил, бутон поблёк и сомкнул лепестки. Ся Чэнь бережно вынес горшок на подоконник, подставляя его лучам солнца, и тяжело вздохнул, всем сердцем переживая за своего столичного затворника.

— Слушай, Бань-эр, как мне ему помочь? Сердце кровью обливается, когда слышу, как он угасает в этой глуши.

Система хранила угрюмое молчание. Судя по всему, даже искусственный разум пасовал перед коварством человеческих судеб.

— Ладно, не молчи, — Чэнь махнул рукой, избавляя помощника от необходимости придумывать ответ. — Так что ты там хотел сказать?

На этот раз Тунбань отозвался незамедлительно:

[Сегодня в столице бушует проливной ливень]

Ся Чэнь застыл, ошарашенно глядя перед собой:

—... Что?!

<http://bllate.org/book/18260/1758957>